

18+

honey_violence

Десятки лет

honey_violence

Десятки лет

«Издательские решения»

honey_violence

Десятки лет / honey_violence — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679147-3

Стихи о дружбе, которая все преодолевает, и потерях, которых ничто не восполнит, прощении, дающемся слишком трудно, и прощании, которое кажется невозможным. И войне, которая отнимает все.

ISBN 978-5-00-679147-3

© honey_violence
© Издательские решения

Содержание

В сорок заснеженном	6
Тебе снится опять, что война прошла	7
Мне б обнять тебя	8
Мне бы оплакать тебя	9
На твоих фотографиях	10
Если есть в небе Бог	11
В Советском Союзе	12
Боль	13
Я бегу по дорогам памяти	14
Как отучиться дрожать	15
Лестницы	16
Твоему врагу	17
Отвернись, я прошу	18
Я сам это выбрал	19
Мне не снятся покойники	20
Вторник наступит сразу за четвергом	21
Здесь есть одна свобода	22
В сорок заснеженном	23
Разрезали, как ткань	24
Засыпая, я думаю, чему был подобен ад	25
От веревок избавиться	26
Дно залива	27
Сколько помню	28
Привыкаешь к зиме	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Десятки лет

honey_violence

© honey_violence, 2025

ISBN 978-5-0067-9147-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В сорок заснеженном

Тебе снится опять, что война прошла

Тебе снится опять, что война прошла,
ему снится опять, что война прошла,
но вне сна только страх и боль.

Ты идешь через снег, ты промерз до жил.
Он идет через снег, он промерз до жил.
Ты за ним, а он за тобой.

Я приду, говорит, я тебя найду,
я приду, говоришь, я тебя найду,
и никто из вас ведь не врет, но...

Он последний раз видит твое лицо,
ты последний раз помнишь его лицо,
а потом все скрывает лед.

Мне б обнять тебя

Мне б обнять тебя, пока рушится старый мост,
а на месте нового пустая земля и сваи,
только вдалеке стоишь, замерев, не ты,
а совсем другой, которого я не знаю.

Он молчит, он нем; несказанные слова
раздирают глотки обоим. Он терпит лучше.
Ты был солнца свет, весенней травы ростки,
этот же, как куст ноябрьский и колючий.

Потерять тебя, едва обрета, легко —
так беседы нить теряется в пустоте, и
мир, поделен надвое, смыкается как кольцо,
отнимая все, что мы от него хотели.

Мне бы оплакать тебя

Мне бы оплакать тебя, того юного, искалеченного,
твои теплые фразы, улыбки, прямые плечи
времен, когда не было груза, к земле тебя пригвоздившего.
Тебя, в своей жизни собственной теперь лишнего.

Мне бы оплакать тебя, ушедшего раньше нужного,
выплакать слезы все, омывая былую дружбу
этой водой живой, но все чаще считай что мертвою.
Стоишь – сам своя же тень, как кем-то рисунок стертый.

Мне бы оплакать тебя, каждую лица линию,
нас, тех, какими стали, и тех нас, какими были.

На твоих фотографиях

На твоих фотографиях тебе вечно семнадцать лет,
тебе вечно неполные двадцать, пятнадцать, двадцать четыре:
не становишься старше, нарушив течение лет, —
непреложный закон и проклятие в этом мире.

В твоих письмах нечастых твой запертый в строчках смех,
твои шутки, твоя поддержка, твои подколы...
И в последнем, что было прислано не тобой,
бесконечный могильной насыпи страшный холод,

бесконечный непонимания пустой взгляд
на в ладони зажатый ленты обрывок черной.
Бесконечная, незаполняемая дыра
там, где сердце, с тех пор, как мертв ты.
Ты мертвый.
Мертвый.

Если есть в небе Бог

Это кровь или пот капает?
Боль упрятана в тишь за капями.
Обнуления бритва росчерком
судьбу делает вмиг короче,

под стекло загоняя холодом.
Мне до жизни живому голодно.
Мне бы, окромя боли, выдали
что-то теплое, но лишь вырвали

наживую, не зная жалости.
Криосон? Не сравниться аду с ним.
Все забрав, в гроб кладут покойником.
Лучше смерть, чем в таком покое!

Лучше смерть. Несгибаем волею,
по-собачьи скулю и вою,
умоляя оставить память, но
равнодушие людей каменно.

Если есть в небе Бог и милостив,
сделай так, чтоб в груди не билось.

В Советском Союзе

Я не звоню ни тебе, ни в двери,
я не спешу на глаза являться.
Можешь обидеться и простить,
можешь навеки разобижаться.

Все, что мне можно, что я могу,
этого мало, но в счет оплаты
я приношу тебе этот ком,
обложенный белой, пушистой ватой.

Я замираю, и выдох-вдох
слишком неслышны, чтоб ты открыл мне.
Если б ты ведал, как на шаги
те мои, прочь от тебя, мне вылось,

как жгло мне душу, а не разлом
хрупких костей в слишком хрупком теле.
Лучше бы взрывами разнесло
сердце мое, как тот геликерриер!

Я ухожу, но под дверь твою
кладу этот ком. Может, даст ответы.
Самое хрупкое в Советском Союзе
всегда заворачивали в газету.

Боль

Глаза как стеклянные. Смотришь, и тени прошлого
обретают тело, размалывают в крошево
все, что могли бы выстроить, выковать, изваять.
Боль – ледяная гладь,

боль – ледяной кокон с телом твоим внутри.
Я – зевака, шагающий мимо ее витрин,
где ты, не протягивая рук, молишься белым ртом.
Тени твои заходят в меня, как в дом.

Тени твои забирают все то, чем жил,
тени твои обтачивают ножи
о кости, неподвластные времени и векам.
Ты молишься, но твои боги теперь – ветра,

череп, в снегах оставшийся, облизавшие до кости.
Тот, мертвый, меня прости.

Я бегу по дорогам памяти

Я бегу по дорогам памяти,
я ищу на ней твою тень.
Мы расстались в морозный, пасмурный,
заморозивший сердце день,

и теперь я бегу, как проклятый,
лишь бы стало чуть-чуть теплей,
но жестоки ко мне дороги:
оставляют меня неметь,

глядя в даль, обращаясь в знаки,
что привычны повдоль дорог,
чтобы, если решишь вернуться,
привели тебя на порог,

но чужого, прости уж, дома:
я в пути обессилел, друг.
Да и память со мной сыграла
злую шутку, замкнувшись в круг,

не пуская меня наружу,
не пуская вовнутрь тебя,
опаляя морозом душу
дня, когда тебя потерял.

Как отучиться дрожать

Как отучиться дрожать,
когда день как удар каждый?
Я на тебя смотрю,
изнутри иссушенный жаждой.

Мне бы тебя пить,
но соленая – слезы – жжется лишь.
Ты не щадишь меня,
режешь заживо теми лицами,

что с фотографий лгут
мне улыбками, дразня память, и
как это утолить,
как, ты мне расскажи, справиться?

Как победить себя,
встать щитом над собой каменным,
коль, что ни день – удар,
куда ни пойдешь – камера?..

Лестницы

Безымянные дни как лестницы,
бесконечные и во мрак.
Назови меня другом, только ты
чертишь кровью по скуле: «Враг»,

только ты бьешь наотмашь именем
не моим. Ухожу чужой.
Только разве чужой знать может, что
ты бледнеешь, когда ты лжешь?

Только разве чужой знать может, как
ты не в силах ночами спать,
представляя во мраке лестницу,
по которой послал шагать?

Твоему врагу

Твоему врагу живется давно спокойно,
это в голове твоей беспрестанно войны,
в голове твоей предательства и загадки.
Только взятки гладки

с твоего врага, глядящего мирно-тихо.
Обращаясь к бездне, ты вряд ли разбудишь лихо:
оно спит спокойно, на прошлое без оглядки.
За черной чертой оградки.

Отвернись, я прошу

Отвернись, я прошу. Пожалуйста.
Мне не нужно поддержки, жалости.
Уходи, пусть тебе немислима
сама мысль, что смогу и выстою.

Убирайся! Ну хватит, смилуйся!
Не ребенок же, хватит силы мне,
чтоб слепить себя вновь из крошева.
Я прошу тебя по-хорошему:

ну не надо, все это лишнее!
Только, кажется, он не слышит и,
пока я прошу бросить, сжалиться,
берет руку, сжимает пальцами,

а в глазах ледяное, стылое,
как зимой в сорок пятом было... но
с каждым мигом теплеет взглядом, и
солдат
прекращает
падать.

Я сам это выбрал

Джеймс,

я сам это выбрал: огонь и пули,
бессчетность смертей, их смешной итог.
(Две даты, где прочерк посередине —
все то, что от жизни оставить смог).

Я сам это выбрал, но только годы
на дату рождения, как на нить,
салятся, как будто им длиться вечность.
Тебе — ее падать, мне — не ловить.

Тебе — ее видеть в глазах мелькнувшей
всем тем, что прожить уже не дано,
а мне бесконечно искать дорогу —
и никогда не найти —
домой.

Мне не снятся покойники

Мне не снятся покойники, тревожа своим покоем,
для меня беспокойным, как сотни ночных кошмаров.
Мне двенадцать, ты учишь драться, потом едим
с тобой жадными ртами жареные каштаны.

Мне пятнадцать, и мы сражаемся в первый раз
в подворотне; и первый выбитый зуб, и крови
из разбитых носов лилось, кажется, на стакан.
А теперь ее в снах кошмарных без края море,

и его не пройти и не вычерпать: нет таких
ведер, ложек, ладоней. Ладоней твоих бы ласку!..
Мне не снятся покойники. Ты меня стережешь,
обозленного жизнью, не травишь собой напрасно.

Ты жалеешь меня. Смеешься, шагая вниз.
Тебе двадцать, семнадцать, тринадцать: ты юн навечно.
Но меня не тревожь, потому что, совсем седой,
пережив твою смерть, я не выживу после встречи.

Вторник наступит сразу за четвергом

Вторник наступит сразу за четвергом,
зима за промозглой осенью придет следом.
Как и о чем, скажи мне, я должен знать,
если я самое важное на победу

всех и потом променять смог «сейчас и здесь»,
выбрав не то, что подарено было богом?
Друг мой порой мне снится, его глаза
смотрят насмешливо-весело, чаще строго,

реже теплеют: прочней год от года лед,
холод порой прорывается сквозь синь взгляда.
Если бы мне вернуться на век назад,
ты бы остался, клянусь, и живым, и рядом.

Здесь есть одна свобода

Здесь есть одна свобода – быть никем,
и я ей упиваюсь, как водою.
Ты говоришь: «Мой друг, идем со мною!»,
не зная, что, сбежав из ваших схем,

я имя потерял, как дети вещи.
Бреду из ниоткуда в никуда.
Да, нас спаяли в общее года,
но погляди на эти сети трещин

вдоль рук, разомкнутых давно, в сорок седом,
когда за пропастью одной легла другая.
Не верь словам их, что любой лед тает.
Есть тот, что, как ни плавь, пребудет льдом.

В сорок заснеженном

В сорок заснеженном, окровавленном выбыл, сгинул, погиб.

Сколько мне в снах истаптывать сапоги?

Сколько тянуться, вновь тебя упуская?

Я – стою на краю, ты – срываешься, летишь с края,

разбиваешься там, туда вряд ли приводят карты.

Сердце сходит с прямой задолго еще до старта,

едва слышит в кошмаре эхо колес стука.

Ведь ты снова протянешь, а я не словлю руку.

Разрезали, как ткань

Разрезали как ткань, подворачивая вовнутрь
гнев и ненависть, жажду убить, и ни шва наружу.
Ты зовешь меня именем. Именем не моим,
а того, кто во мне давно мертв, но зачем-то нужен.

Шрамы, точки чернил, детства памятная деталь —
все сползает, как шкура змеиная. Просто выкинь,
потому что все это — то, чего не хочу,
и навряд ли, давай по-честному, я привыкну.

Меня, как второсорт, спрессовали в живой кусок
мяса, полного боли, и током бьют, чтоб плясалось.
Только ты... ты безумен, и выживший Франкенштейн
для тебя — божья милость. И ты забываешь жалость,

ты меня не жалеешь: ты мне вскрываешь швы,
лезешь в раны, не видя, что руки по локоть в соли,
и мне больно, но ты, погруженный в личный ад,
стал страшнее их всех. Я прошу тебя: хватит боли.

Засыпая, я думаю, чему был подобен ад

Засыпая, я думаю, чему был подобен ад,
если самое страшное вот оно вокруг, рядом?..
Холод жметя и кошкой ластится под ладонь,
забираясь мне в грудь удушающим, сладким ядом,

отнимая биение сердца. Жив я, мертв?
Я свободен от смерти, но толку в такой свободе...
Если есть в небе Бог и милостив, почему
он забыл обо мне и чем я ему неугоден?..

От веревок избавиться

От веревок избавиться, если не выйдет – вырвать,
вместе с памятью все обрубить и затем уйти.
Ты, глядящий теперь глазами совсем чужими,
осознай наконец, что давно разошлись пути,

и держать не пытайся. Держащий – свободе недруг,
одиночеству недруг, мне самый лютей враг.
Все из них говорили, как ты теперь мне, про благо,
но от вашего блага мне не искать добра.

Ты стоишь на пороге, мнешься, рискуя жизнью,
умоляешь вернуться в прошлое и домой.
Только ты опоздал: полвека как, вниз сорвавшись,
не зову тебя больше другом и за собой.

Дно залива

AU падения с геликарриера

Дно залива полно илом, мусором, моей болью,
твоим телом, по частям раскиданным после взрыва,
отходящее подарком страшным гудзонским рыбам.

Мне б нырнуть за тобой, мне б смочь за тобой сорваться.
Мне б оплакать тебя, оплакать гибель твою, но тщетно:
слез не катится из глаз этих столько десятков лет,

что не вспомнить уже, им были ль знакомы слезы?
И стою теперь, утопая в памяти, как в песке, и
бьется жилкой твое имя в седом, как зима, виске.

СКОЛЬКО ПОМНЮ

Сколько помню: открываешь рот – получаешь снег.
Прости мой истерический страшный смех,
просто я захлебываюсь этим холодом по самый сорок второй.
Я очень хочу домой.

Сколько себя помню: открываешь глаза – получаешь мрак.
И, кто бы ни подошел, он смертельный враг,
и у каждого, как проклятие, только одно лицо,
и его не размыть свинцом.

Сколько помню: подчиняешься приказам – остаешься жив,
и так жить проще, правда, чем в старой лжи,
где клянешься до конца быть рядом, всегда и верно.
Идохнешь первым.

Привыкаешь к зиме

Привыкаешь к зиме, к осколкам стекла по венам,
привыкаешь к прозрачным, от жизни укрывшим стенам,
изнутри прорастающим инеем, который теплей рук.
В тишине бесконечный шум поезда, колес стук.

Забываешь о прошлом и будущем. Не тебе
выбирать, кем проснешься, коль выживешь. Лишь терпеть,
стиснув зубы от боли, рвешь – так сильна – капли.
Что-то алое продолжает полвека на снег капать.

Что-то горькое, как вина, под язык улеглось словом,
только в холоде онемел, очерствел. И лежишь сломан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.